

С.В. Соколовский

**К ДИСКУССИИ О САМООПРЕДЕЛЕНИИ
НАРОДОВ (ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ СТАТЬИ
И.М. САМПИЕВА «САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
НАРОДОВ: АНАЛИЗ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПОДХОДОВ»)**

Если отбросить оговорки, а их, на мой взгляд, можно отбросить, поскольку сам И.М. Сампиев не рассматривает ни одного исключения из своей концепции, то главной проблемой в статье остается поиск ответа на вопрос, почему в рамках одной «политической доктрины» (либеральной, социально-демократической, коммунистической и фашистской) встречаются как сторонники, так и противники принципа самоопределения на этнической основе.

Автор обсуждаемой статьи в своих поисках опирается на работу К. Манхейма «Идеология и утопия», точнее, на одно из его утверждений – о влиянии политической и социальной основы или связи мышления теоретика в области политики «с определенным политическим течением», что указывает на различия между историческим и политическим подходами, простирающиеся «даже на логику». Я специально изложил это утверждение своими словами, чтобы подчеркнуть, насколько мало общего позиция К. Манхейма имеет с выводами, сделанными И.М. Сампиевым якобы на ее основе. Определяют ли различия стилей исторического и политического мышления внутриполитические расколы по тем или иным конкретным проблемам – совсем не тот вопрос, который ставил К. Манхейм. Но даже в такой формулировке он продолжает быть слишком косвенным по отношению к гораздо более узкому вопросу, который решает автор статьи: определяет ли этническая принадлежность автора (и положение его народа в момент формулирования позиции) позицию в отношении «самоопределения народов»?

Интересно подобранные примеры из истории сионистского движения, строго говоря, не подтверждают и не опровергают этой гипотезы. Разве изменились взгляды Жаботинского на самоопределение евреев? Или, быть может, они у него изменились относительно самоопределения арабов? Из приведенных цитат теоретиков сионизма не следует, что они рассуждали о «самоопределении вообще». Из любопытства и желания проверить, насколько интуиция автора оказалась справедливой, я наугад взял один из недавних сборников по данной теме. Оказалось, что русские России (которые в соответствии с этой гипотезой должны были бы все как один выступать против самоопределения) распределились по всему спектру позиций – от безоговорочной поддержки до полного неприятия¹.

Автор гипотезы, впрочем, делает оговорку, что, мол, позиция аналитика не определяется «однозначно» его этнической принадлежностью. Но такого рода оговорки превращают гипотезы в утверждения, конструируемые *ad hoc*, и принципиально непроверяемые (как сказал бы Поппер – нефальсифицируемые), т.е. попросту говоря, относящиеся не к научным утверждениям, а к миру мнений и верований. Думаю, Карл Манхейм не затруднился бы в определении стиля и логики И.М. Сампиева, хотя последний и прибегает к «историческому подходу» в своем рассмотрении принципа самоопределения. Словом, К. Манхейм имеет такое же отношение к поставленной в статье проблеме, как, скажем, Аристотель с его различием логоса и доксы, который, кстати, относил политику к сферам, где, безусловно, господствует докса.

Отвлечемся, однако, от эпистемологической истории неявного знания, поскольку не ею определяется сюжет обсуждаемой работы. Обратимся к главному предмету статьи – самоопределению народов. Автор не ставит вопрос, кто является субъектом самоопределения: народ как сообщество этническое или народ как сообщество

территориальное, что позволяет ему с завидной легкостью прочитать известный во всем мире манифест территориального национализма – французскую Декларацию – как манифест этнонационализма. У неподготовленного читателя при чтении статьи И.М. Сампиева вообще может создаться впечатление, что в международном праве существует полная определенность с понятием «народ» и что это понятие совпадает в своем объеме с понятием «этнос».

Между тем не существует ни одного документа ООН или других международных организаций, резолюции которых входят в корпус международного права, подтверждающий точку зрения автора. Правоприменительная практика в этой области вопреки уверениям И.М. Сампиева и его единомышленников также не свидетельствует, что «племена, группы племен, народности...» и т.п. рассматриваются ООН в качестве субъектов самоопределения. В противном случае самоопределившиеся в ходе деколонизации африканские народы вряд ли бы сохранили государственные границы в их нынешней конфигурации. Подход специального органа ООН – Комитета по деколонизации, на который была возложена с 1960 г. обязанность определения «народов» – субъектов самоопределения и деколонизации, – скорее свидетельствует об ограничении этого принципа, во-первых, контекстом колонизации, и, во-вторых, территориальной трактовкой понятия «народ».

В этой связи особенно показательно использование в документах ООН (например, в известной Резолюции № 1541) понятия «несамоуправляемая территория», самоуправляемость которой трактуется как экономическое и политическое подчинение, административно-государственное управление «извне» *территорией*, отличающейся в культурном и географическом отношениях от государства, ею управляющего. Поскольку текст документа недвусмысленно подразумевает контекст деколонизации, объем понятия «население» такой территории совпадает с объемом понятия «народ». Неслучайно в связи с этим специальный докладчик ООН, составивший обзор развития права народов на самоопределение, пришел к выводу, что в Уставе ООН идея самоопределения не приобрела статуса «права», а продолжала оставаться «принципом», который был применим к самоуправляющимся территориям и косвенно к территориям, находящимся под опекой². Не стоит преувеличивать и степень преемственности между принципами национальностей и самоопределения, которые неоднократно сравнивались специалистами, особо подчеркивавшими, что в отличие от принципа национальностей принцип самоопределения не исходил из обязательности отделения для образования мононациональных государств, а опирался на концепции федерализма, автономии и т.п.³

Впрочем, я не взялся бы утверждать, что позиция по поводу самоопределения народов, зафиксированная в документах международного права, появившихся после принятия Устава, однозначна и недвусмысленна. Ряд его документов действительно дает почву для взаимно противоречащих интерпретаций, да и сама проблема субъекта самоопределения остается лишь частью того большого комплекса проблем, который связан с теоретическими и практическими аспектами самоопределения. Однако как ни дороги ученым содержательные моменты дискуссии о понятии «народ» как субъекте самоопределения, именно из-за ее тесной связи с различными политическими платформами с их конфликтующими ценностями мне близка позиция, в соответствии с которой важнее оказывается предотвращение практических коллизий, порождаемых экстремистскими (как этнонационалистическими, так и консервативно-державными) трактовками этого принципа, выплескивающимися за пределы академических аудиторий.

Проблема в том, что и «националисты», и «державники» постоянно натурализуют свои взгляды; первые наделяют статистические сообщения людей едиными интересами и волей, вторые то же самое приписывают государству. При таком подходе реальные проблемы – поиск способов обеспечения подлинного демократического представительства, а не его узурпации узкой группой «представителей народа» или разработка социальных технологий, которые бы свели к минимуму безответственные манипуляции общественным мнением и политиканство, наконец, забота о соблюдении

прав отдельного человека, а не «народа» (в какой бы ипостаси он ни являлся – этнической или территориальной) или «государства» – вообще не рассматриваются. Мне близки опасения А.Г. Осипова который, на мой взгляд, справедливо указал и на такие аспекты самоопределения на этнической основе, как «односторонность» и «революционный характер»⁴. С моей точки зрения, самоопределение должно рассматриваться как инструментальная ценность, ибо тогда есть надежда, что при его достижении главная цель – стремление к более справедливому общественному устройству – не будет забыта.

Примечания

¹ Желаящие, приди им странная мысль сверять теоретические симпатии экспертов с их этнической идентификацией, сами могут проверить распределение сторонников и противников самоопределения в чрезвычайно содержательном и интересном сборнике материалов конференции «Право народов на самоопределение: идея и воплощение», вышедшем под редакцией А.Г. Осипова (М., 1997) и собранном под одной обложкой высказывания ведущих специалистов по этой проблеме.

² Кристеску А. Право народов на самоопределение: историческое и современное развитие. Нью-Йорк, 1981. С. 4.

³ См., напр.: *Pomerance M. Self-Determination in Law and Practice: The New Doctrine in the United Nations. The Hague, 1982*; Курс международного права. В 7 т. Т. 2. М., 1989. С. 170 и др.

⁴ «Очень важно, что идея самоопределения в большинстве случаев подразумевает односторонние действия от имени части общества, например, одной этнической группы, и, следовательно, приглашает людей к конфликту. Встает вопрос, к сожалению, риторический, о том, как этот конфликт может разрешаться, если сама идея подразумевает невозможность многостороннего регулируемого процесса... Мы знаем, как лозунг самоопределения понимается и претворяется в жизнь разными этническими партиями, мы знаем, что такое этнические конфликты и что такое этнические чистки. Живые примеры перед глазами: Абхазия, Цхинвальский регион, Босния, Нагорный Карабах и т.д.» (Осипов А.Г. Указ. раб. С. 40).

«Очень важно, чтобы смысл дискуссий, подобных нашей, – "за самоопределение" или "против самоопределения" – был правильно понят. Есть мнение..., что противники идеи самоопределения всего-навсего трясутся из-за пресловутой территориальной целостности. Конечно, есть люди, живущие по принципу "была бы страна большая", но проблема заключается не в сепаратизме, а в использовании принципа революционной целесообразности и в нарушениях прав человека во имя этого принципа». (Там же. С. 201).

S. V. S o k o l o v s k i. On self-determination of peoples (marginalia to I.M. Sampiyev's article «Self-determination of peoples: an analysis of ideological and political approaches»).

I.M. Sampiyev in his contribution to the discussion of the peoples' self-determination evades the central issue of this discussion which concerns the subject of self-determination. It is argued that the principle of self-determination in contemporary international law is ambiguous, at best, and cannot be reduced either to its territorial or to its ethnic dimensions.